

Скибина Валентина Ивановна

канд. филол. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Сахалинский государственный университет»

г. Южно-Сахалинск, Сахалинская область

**РОЛЬ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ В ОЦЕНКЕ КАЧЕСТВА
ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ПРОЗЫ С. КИНГА)**

***Аннотация:** в статье рассматривается роль переводческих трансформаций в оценке качества перевода художественных текстов на основе сравнительно-сопоставительного анализа двух вариантов перевода одинаковых исходных отрывков художественного текста.*

***Ключевые слова:** качество перевода, переводческие трансформации, оценка качества перевода, нарушение норм переводящего языка, интерпретация как метод перевода.*

Известно, что в обучении переводу и в оценке качества переводов значительная роль принадлежит так называемым переводческим трансформациям, то есть «многочисленным и качественно разнообразным межъязыковым преобразованиям, которые осуществляются для достижения эквивалентности (адекватности) текстов оригинала и перевода вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков» [7, с. 190]. Мы полагаем, что при отсутствии на сегодняшний день единой классификации переводческих трансформаций определение Л.С. Бархударова достаточно четко обобщает их смысл.

Наиболее сложным в отношении оценки качества переводов и требующем поэтому повышенного внимания со стороны лингвистов, представляется исследование переводов художественных текстов ввиду сложности их денотативного содержания и необходимости сохранения при переводе индивидуального авторского стиля [2, с. 78].

Объектом анализа в данной статье является специфика применения переводческих трансформаций в переводах повести С. Кинга «Graveyard Shift», выполненных переводчиками А.В. Мясниковым и Н.В. Рейн.

Фактическим языковым материалом являются переводы ряда предложений, экстрагированных из переводов данного произведения.

Сравнительно-сопоставительный анализ переводов широко используется нами в практике обучения переводу, поскольку данный подход позволяет на конкретных примерах продемонстрировать возможность выявления удачных и неудачных переводческих решений, являясь одним из методических приемов, направленных одновременно на развитие переводческих умений, навыков саморедактирования и оценки качества переводов [3, с. 17] Приведем примеры: Hall was sitting on the bench by the elevator, the only place on the third floor where o working Joe could catch a smoke, when Warwick came up. He wasn't happy to see Warwick [5, с. 427].

1. Холл с наслаждением затягивался сигаретой, развалившись на небольшой скамейке недалеко от элеватора. Скамья эта была единственным местом, где можно было спокойно перекурить и ненадолго отвлечься от работы, не опасаясь появления начальства. Именно в это время и появился зловредный Уорвик [7, с. 14] 2. Холл сидел на скамейке у лифта – единственное спокойное место на третьем этаже, где работяга может спокойно перекурить, как вдруг появился Уорвик. Нельзя сказать, чтобы Холл пришел в восторг при виде Уорвика [6, с. 455].

В переводе А.В. Мясникова имеется целый ряд трансформаций, относящихся к лексическим трансформациям добавления, таких как «с наслаждением», «развалившись», «ненадолго отвлечься от работы», «не опасаясь появления начальства», «зловредный». Оправданность употребления этих трансформаций представляется нам довольно сомнительной, во-первых, введение дополнительных лексических единиц делает необходимым использование синтаксических трансформаций членения предложения и намного увеличивает объем перевода по сравнению с оригиналом. Во-вторых, выражение «to catch a smoke»

предполагает скорее поспешный перекур, чем длительный процесс курения; добавление оборота – «ненадолго отвлечься от работы», употребленное во втором предложении в определенной степени противоречит содержанию первого предложения, поскольку поспешный характер какого-либо действия вряд ли сочетается с возможностью описания его при помощи предложного номинативного сочетания «с наслаждением» и причастия «развалившись».

Такая переводческая деталь как использование наречия «недалеко» вместо «около» воспринимается как маркер нарушения норм лексической сочетаемости, поскольку «недалеко» предполагает значительно большее расстояние, чем «около».

Использование деепричастного оборота «не опасаясь появления начальства» можно рассматривать как пример использования лексической трансформации модуляции, в данном случае это экспликация причинно-следственной связи, логически данная трансформация не противоречит содержанию переводимого предложения, но не носит обязательного характера и несколько искажает стиль автора.

Не совсем понятен выбор переводчиком существительного «элеватор», вместо общепринятого в русском языке наименования для данного устройства «лифт».

Добавление эпитета «зловредный» можно расценить как абсолютно субъективное решение переводчика, тем более что данное прилагательное характеризуется достаточно низкой частотностью употребления.

Оценивая качество переводимого отрывка, в целом, можно заключить, что отсутствие случаев искажения смысла или норм языка перевода позволяет оценить перевод как адекватный, однако, его вряд ли можно назвать оптимальным.

Перевод, предлагаемый Н.Р. Рейн, являясь, в целом, более близким по структуре к оригиналу, чем перевод А.В. Мясникова, содержит, однако, в первом предложении повтор однокорневых лексем – прилагательного «спокойный» и наречия «спокойно», что является нарушением стилистических норм русского языка. Словосочетание разговорного характера “a working joe” пере-

ведено удачным, на наш взгляд, однословным эквивалентом так же разговорного характера «работяга», аналогичным образом можно оценить перевод глагольно-объектного словосочетания “to catch a smoke” русским префиксальным глаголом «перекурить». Составное именное сказуемое “wasn’t happy” переведено с использованием лексической трансформации замены близким, на наш взгляд, по семантико-стилистическим характеристикам простым глагольным сказуемым устойчивого характера «прийти в восторг», хотя степень экспрессивности при этом несколько повышается. Таким образом, перевод Н.В. Рейн является, с предлагаемых нами позиций, более оптимальным из двух рассматриваемых вариантов перевода.

Рассмотрим следующий пример: Hall had known it would be bad, but it was murder [5, с. 354] 1. Предложение опущено. 2. Холл знал, что работа предстоит не из легких, но такого ада он не ожидал [6, с. 427] Основанием для опущения предложения либо части предложения может являться намерение переводчика устранить информационную избыточность, являющуюся помехой в двуязычной коммуникации, но в данном случае такой проблемы нет и причина опущения неясна. Предложение описывает ощущения героя после начала работы. Перевод этого простого на первый взгляд предложения потребовал от переводчика использования нескольких трансформаций смешанного типа, так в придаточном дополнительном мы имеем в переводе вместо подлежащего-местоимения it, подлежащее – существительное работа; во второй части анализируемого предложения переводчик, удачно избежав дословного перевода, использует трансформацию целостного лексико-синтаксического преобразования. При этом составное именное сказуемое “was murder” переведено простым глагольным сказуемым «не ожидал» с предшествующим ему дополнением «такого ада». Замена существительного «murder» на русское «ад» произведена на основе имеющейся в структуре основного значения этих существительных семы отрицательной эмоциональной оценки. В результате использования комплексной лексико-морфолого-синтаксической трансформации исходного предложения переводчик предлагает читателю близкий к оптимальному вариант перевода.

Проанализируем еще один пример: I was holding hands with Susie; Kelly and Joan were ahead of us, and Needles was already over the brow of the point and out of sight. Corey was bringing up the rear, swinging his radio [5, с. 426].

1. Сюзи держала меня под руку, Келли и Джоан шли впереди, Нидлз плелся где-то сзади за нашими спинами. Замыкал шествие Кори, размахивая своим радиочемоданом в такт шагам [7, с. 365].

2. Мы с Сюзи держались за руки; Келли и Джоан зашли дальше, а Нидлз, так вообще пребывал в полной эйфории. Кори то и дело блевал, прижимая к животу свое радио [6, с. 418].

В предлагаемой А.В. Мясниковым версии перевода обращает на себя внимание то, что выражение “to hold hands with somebody» переведено как «держала меня под руку», такая замена искажает реальную картину, вряд ли может быть убедительно обоснована и может быть отнесена к коммуникативным неудачам.

Описывая локацию другого героя, переводчик сообщает «Нидлз плелся где-то сзади», тогда как в исходном тексте говорится, что «он был уже далеко впереди и исчез из виду».

Варианты перевода, искажающие смысл переводимого текста, вряд ли можно назвать трансформациями или контекстуальными вариантами перевода, на самом деле это переводческие ошибки.

Перевод последней части анализируемого отрывка представляется более удачным, однако не совсем понятен выбор переводчиком существительного «радиочемодан» в качестве эквивалента существительного «radio». На наш взгляд, более удачным переводом могло быть существительное «транзистор».

Переводческие решения Н.В. Рейн также являются в ряде случаев искажением денотативного содержания исходного текста, так “Kelly and Joan were ahead of us” переведено как «зашли дальше», но использование глагола «заходить» предполагает наличие некоего замкнутого пространства, что не соответствует описываемой ситуации.

Перевод предложения “Needles was already over the brow of the point and out of sight” как «Нидлз пребывал в полной эйфории» не имеет ничего общего с замыслом автора, так же как перевод последней части данного отрывка, в котором утверждается, что «Кори то и дело блевал, прижимая к животу свое радио», тогда как на самом деле «Кори шел последним, размахивая своим приемником». Оценить предлагаемый вариант как интерпретативный оснований нет, поскольку он полностью выходит за рамки денотативного содержания оригинала и является, вероятно, прямым вымыслом переводчика, никак не связанным с содержанием предшествующего либо последующего контекста. Таким образом, оба анализируемых варианта перевода следует, по нашему мнению, признать не просто неудачными, но явно ошибочными.

Рассмотрим следующий пример: So here we were, with the whole human race wiped out, not by atomic weapon or bio-warfare or pollution or anything grand like that. Just the flu [5, с. 321] 1. Ветер с океана уже почти высушил мою кожу от противного липкого пота, и я чувствовал, как начинаю сходить с ума от мыслей о том, что я сижу здесь и пью пиво, а практически все остальное человечество уже погибло. Уничтожено. Не ядерным или каким-нибудь биологическим оружием. Просто грипп [7, с. 425] 2. Итак, что называется приехали. Вся человеческая раса стерта с лица Земли, и не от атомного взрыва, биологического оружия, массового загрязнения или еще чего, столь же значительного. Нет, вовсе нет. Просто от гриппа [6, с. 348]

Проявив завидную лингвистическую креативность, А.В. Мясников позволяет себе включить в перевод довольно длинное предложение, а практически целый отрывок текста от себя – Ветер с океана уже почти высушил мою кожу от противного липкого пота, и я чувствовал, как начинаю сходить с ума от мыслей о том, что я сижу здесь и пью пиво, а практически все остальное человечество уже погибло.

Данный случай вряд ли можно отнести к переводческим трансформациям, переводчик скорее интерпретирует текст, становясь соавтором С. Кинга и описывает собственные эмоции, возникшие у него после прочтения данного произ-

ведения. Ю.Л. Оболенская, признавая переводчика прежде всего читателем, считает интерпретацию одним из ключевых понятий современного переводоведения и определяет ее, как «истолковывающее понимание, включающее в себя оценку оригинала и стремящееся помочь читателю пережить эмоциональное впечатление» [4, с. 175]

По какой-то причине А.В. Мясников не упоминает pollution как одну из возможных причин гибели человечества, хотя это несомненно важная причина. Однако, сочетание отмеченного выше с трансформацией парцелляции позволяет переводчику создать у читателя отчетливое впечатление безысходности ситуации.

В версии Н.В. Рейн осуществлены комплексные трансформации, в которых задействованы не только лексико-семантический, но и морфологический и синтаксический уровни, так, предложный причастный оборот переведен двусоставным предложением, что является вполне приемлемым вариантом перевода, но русский глагол «стереть» требует беспредложного дополнения, отвечающего на вопрос « чем », либо « что », но не « от чего »; отмеченная ошибка относится к случаям « нарушения нормы и узуса переводящего языка » [3, с.76]

Рассмотрим еще один пример: He had been behind the wheel of a big Lincoln when we found him, semiconscious and raving. His head was bloated to the size of a football and his neck looked like a sausage [5, с. 218] Приведем переводы: 1. Когда мы натолкнулись на него, он сидел за рулем огромного роскошного «Линкольна» и что-то бессвязно бормотал, мало чего, по-видимому, понимая. Его голова раздувалась до размеров футбольного мяча, а шея, напротив, была тоненькой как сосиска [7, с. 156]. 2. Мы нашли его сидящим за рулем огромного «линкольна», в полубессознательном состоянии и в бреду. Голова распухла и походила на футбольный мяч; шея была ровной и толстой, точно сарделька [6, с. 326].

Глагол «натолкнулись» предполагает случайное обнаружение какого-то лица или предмета, в данном случае уместнее было бы употребить лексику «нашли», что мы и имеем во второй версии перевода; бессвязное бормотание

вряд ли может быть связано с пониманием, поэтому точку в первом предложении следовало бы поставить после глагола «бормотал». Во втором предложении возражение вызывает употребление сказуемого «раздувалась» в форме несовершенного вида, тогда как контекст однозначно требует формы совершенного вида «раздулась». Описываемая ситуация позволяет также предположить, что размер шеи нашего героя в отличие от головы не изменился и она не «была», а «казалась тонкой, как сосиска» именно на фоне увеличившегося размера головы.

Н.В. Рейн описывает шею нашего героя как «ровную и толстую, точно сарделька», но поскольку в нормальном состоянии шея заведомо толще сардельки, а «ровной» ее трудно представить, сравнение кажется нелогичным в денотативном плане и неверным в плане лексической сочетаемости. Отсутствие притяжательного местоимения перед (или после) существительным «голова» также воспринимается как нарушение норм русского языка.

В заключение хотелось бы отметить, что в период глобализации культурных и общественно-политических процессов к специалистам по межъязыковой коммуникации предъявляются особенно высокие требования, они должны обладать глубокими знаниями не только иностранного, но и родного языка, чего, в данном случае, мы, к сожалению, не наблюдаем. Нарушение требований адекватности перевода в отдельных частях текста оставляет впечатление недостаточно высокого уровня профессионализма и даже небрежности.

Предпринятая в статье попытка оценить качество перевода на основе использования переводческих трансформаций свидетельствует о том, что хотя данный метод позволяет повысить объективность оценки переводов и вывести этот процесс за рамки свойственной обыденному сознанию категоризации результатов деятельности как «хорошо/плохо» или «нравится/не нравится», в значительной степени механический характер их осуществления не может охватить все разнообразие переводческих ситуаций. Реальные тексты требуют столь глубокого погружения в систему взаимодействия смыслов и столь сложных перестроек для выведения на поверхность имплицитного содержания ис-

ходных текстов, что эвристичности данной технологии оказывается недостаточно. Совершенствование методики обучения переводчиков и, возможно, разработка и включение в учебный план курса по обучению студентов оцениванию качества переводов и их редактированию могло бы оптимизировать процесс обучения переводчиков и, возможно, улучшить результаты их будущей деятельности.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Казакова Т.А. Художественный перевод / Т.А. Казакова. – СПб.: Изд-во СПб ИВЭСЭП, 2002. – 113 с.
3. Латышев Л.К. Перевод: теория, практика и методика преподавания /
4. Л.К. Латышев, А.Л. Семенов. – М.: Академия, 2003. – 192 с.
5. Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация / Ю.Л. Оболенская. – М.: Либроком, 2013. – 264 с.
6. King S. Night Shift / S. King. – London: Hodder & Stoughton, 2008. – 652 p.
7. Кинг С. Ночная смена / С. Кинг. – М.: АСТ, 2014. – 480 с.
8. Кинг С. Ночная смена / С.Кинг. – М.: Джой, 1993. – 544 с.